

Къ старымъ и новымъ читателямъ „Русской Мысли“.

Въ жестокіе и скорбные дни паденія русской государственности и почти полнаго вытѣсненія русской культуры съ ея родной почвы мы возобновляемъ наше изданіе.

Чѣмъ острѣе кризисъ, переживаемый Россіей, чѣмъ глубже паденіе, до котораго мы дошли, тѣмъ важнѣе и отвѣтственнѣе работа русской мысли.

Мы должны прежде всего осознать и осмыслить для себя обрушившіяся на нашу родину несчастія и катастрофы. Эта, возложенная исторіей на насъ, задача требуетъ полной правдивости, какъ бы сурова и жестка ни была искомая и отысканная правда. Мы должны имѣть смѣлость взглянуть въ лицо дѣйствительности и, какъ бы ни кипѣла въ насъ патриотическая страсть, съ холодной ясностью все учесть, все взвѣсить, не останавливаясь ни передъ какой правдой, не страшась никакихъ выводовъ. Патриотическая страсть должна вдохновить насъ на мужество величайшей, безстрастной и безошадной трезвости.

Революція, которую переживаетъ наша родина, есть столь же громадная, какъ сама Россія, историческая стихія. Эта темная и сложная стихія далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. Она еще

только раскрывается въ своемъ историческомъ смыслѣ, въ своихъ подлинныхъ достиженіяхъ.

Русская революція отнюдь еще не закончилась, и сейчасъ мы переживаемъ только одинъ, быть можетъ, наиболѣе тягостный для насъ, но въ то-же время многозначительный и роковой ея этапъ.

Понявъ, что русская революція есть весьма далекая отъ завершения разрушающая и творящая стихія, мы должны понять еще и другое. Никакіе замыслы и умыслы не могутъ идти вровень съ этой исторической стихіей. Не то, что они мельче ея, они просто въ ней тонуть. Всѣ умыслы русской революціи ею же самой преодолеваются и посрамляются. Пріять революцію значить понять ее, какъ великую историческую стихію, но это отнюдь не означаетъ пріятія замысловъ и умысловъ людей и людскихъ толпъ, въ ней участвующихъ. Эти замыслы суть лишь преходящіе всплески и подчасъ только грязная пѣна на волнахъ исторической стихіи.

Рѣшивъ быть трезвыми до беспощадности и не боясь смотрѣть въ лицо великой исторической стихіи, мы тѣмъ освобождаемъ нашу патріотическую страсть отъ раболѣпія передъ отдѣльными политическими формулами и лозунгами, отъ плѣненія партійными программами и платформами. Движимые этой страстью, просвѣтленной историческимъ сознаніемъ и познаніемъ, мы свободно отдаемъ великому цѣлому — Россіи, въ ней самой, въ ея величій находя окончательное, непререкаемое мѣрило всѣхъ замысловъ и всѣхъ рѣшеній. Она для насъ есть подлинный живой образъ, облеченный плотью и кровію. Въ этомъ живомъ образѣ, повторяемъ, для насъ—мѣрило всѣхъ за-

мысловъ и рѣшеній, въ немъ — связь настоящаго съ прошлымъ и съ будущимъ. Сейчасъ, послѣ революціи, въ русскихъ душахъ неудержимо зрѣетъ тотъ самый патріотизмъ и націонализмъ, который мы, казалось, тщетно проповѣдывали до революціи. Сквозь угаръ коммунистическихъ замысловъ и интернаціоналистическихъ умысловъ, среди несказанныхъ страданій и великой мерзости безбожія и безчеловѣчности, возстаетъ и воскресаетъ Россія.

Осознать и осмыслить въ глубочайшемъ паденіи это воскресеніе Россіи, ея вѣкового и въ то же время живого образа,—вотъ задача русской мысли и нашего журнала.

Изъ такой работы мысли, суровой и беспощадной, но движимой великой патріотической страстью, должно рождаться, какъ ея законный плодъ, смѣлое и твердое дѣйствіе. Безъ мысли дѣйствіе будетъ слѣпо, но зрячая и острая мысль не можетъ оставаться бездѣйственной. Призывая къ работѣ мысли, мы зовемъ не къ спокойному созерцанію, а къ жертвенному дѣланію.

Ред.